

Толстой среди своих литературных современников. (С литографии 1857 г.) Верхний ряд: И. С. Тургенев, В. А. Соллогуб, Л. Н. Толстой; нижний ряд: Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, И. И. Панаев

Из переписки Л. Н. Толстого

Неизданные материалы

Предисловие и примечания М. А. Цявловского

ПИСЬМО Д. В. ГРИГОРОВИЧА *)

В своих «литературных воспоминаниях» Д. В. Григорович говорит, что знакомство его с Л. Н. Толстым началось «еще в Москве у Сушковых, когда он носил военную форму». Если Григорович не путает, то было это во второй половине февраля 1854 г., когда Лев Николаевич был в Москве перед отправлением в Дунайскую армию. Во всяком случае, сближение между ними произошло в зиму 1855 — 1856 г., когда Лев Николаевич приехал из Севастополя в Петербург и вошел в круг писателей, группировавшихся около некрасовского «Современника». Затем видались они в Москве в январе 1857 г. перед отъездом Толстого за границу.

Публикуемое письмо, судя по начальным строкам его, является первым после этих встреч. Вообще же, кроме этого письма, писем Д. В. Григоровича за эти годы в архиве Л. Толстого не имеется.

Здравствуйте, дорогой друг Лев Николаевич, здравствуйте! Если не получали вы писем от меня в Швейцарии и Фрации¹⁾, не обвиняйте в том мою лень; тем менее, — думать даже не смейте, — чтобы было это следствием моего к вам равнодушия. Более чем когда-нибудь (честное слово, это не фраза) люблю я вас и порывался писать вам; но где было достать ваш адрес? Я безвыездно жил в деревне, ни с кем решительно из наших не видался. Получил раз только сведения через Боткина, который писал из Aix les Bains, что вы в Швейцарии²⁾. До жажды хочется вас видеть, узнать, что и как. Какие мысли, впечатления? Вы не старое потускневшее зеркало, как Тургенев, Боткин и Дружинин. Впечатления должны были отразиться в вас так же ясно, как отражаются виды в ваших швейцарских озерах. Напишите, дорогой друг, где вы находитесь или будете, по крайней мере, в конце декабря, январе и проч. Я еду из деревни в первых

числах декабря, буду несколько дней в Москве и там отправлюсь в Петербург с тем, может быть, чтобы надолго оставить отечество. Неужто мы не увидимся? Если вы останетесь в деревне жить зиму, напишите скорее, я прямехонько пустялся бы в Ясную Поляну. Теперь я кончил свою работу. Весь этот год я был как-то внутренне расстроен и ничего не сделал пугного: написаны всего 3 статьи, и все три — дрянь сушая³⁾. Но теперь я, кажется, исправился с последнею повестью «Кошка и мышка». Она отослана уже в Петербург и ляжет в декабре⁴⁾. О трудах ваших «Юность» и «Люцерн» переговорю с вами с глазу на глаз; в письме всегда как-то скажешь не то, что бы хотелось сказать: мутно всегда выходит, не то⁵⁾. Надо объяснить вам однако ж, каким образом еду я за границу⁶⁾. Вы знаете, что 6 лет назад Погодин⁷⁾ купил у меня полное собрание моих сочинений; явился новый господин, который вызвался перекупить их; за ним следом выступил Солдатенков⁸⁾ и сделал мне очень выгодное предложение: 2.000 сер. одновременно; потом, когда продажа выкупит издание, оставшиеся экземпляры поступают в мою собственность. Печатают 2.400 экз. Печатание уже началось и, говорят, сильно движется⁹⁾. Не думайте, чтобы эти 2.000 руб. были у меня в кармане; я получил их, но в тот же день отдал Погодину 600 руб.; 400 другие пошли на расплату долгов; остается всего 1.000, да и та не полная. Вся надежда моя на наш расчет с «Современником». Я написал всего 14 листов; не знаю, сколько придется на мою долю. Говорят, Некрасов и Панаев зажили опять великолепно; первый играет опять шибко в карты; все это не очень-то для нас ободрительно. Не худо бы вам, дорогой мой, побывать в Петербурге в конце декабря. Вы с вашим глазом, который смотрит из какого-то затаенного угла, вчу-

паете больше решекту на лиц редакции, чем Тургенев и ваш покорный слуга. В вас чувствуется какой-то стальной болт или стержень, тогда как в нас решительно болтается какая-то разварная макарона. Вы спросите в случае чего-нибудь: «Подавайте мне счета и отчеты»; я и Тургенев глупо смолчим и нос повесим. Тургенев велик, громадно велик, вы это знаете, но не тогда, как требуется энергия. Самые же обстоятельства обязывают нас свидеться. Я не питаю никаких подозрений относительно несостоятельности Панаева и Некрасова, — сохрани боже, — но все лучше бы, если б при расчете все участники были на лицо, дело было бы тогда яснее¹⁰⁾. Месяца полтора назад был я в Москве по делам издания и проехал в Петербург, где пробыл 3 дня. Нового ничего нет; Дружинина¹¹⁾ нашел я каким-то раскислым, упавшим духом. Не постигаю, что с ним делается. В мой приезд получено было письмо от Тургенева; он извещает, что повесть его готова и высылает ее; оказалось, через Фета, что он не садился даже за работу¹²⁾. Дела независимы по отделу словесности, но вообще журнал идет недурно, кажется; мне сказано было даже, что на нашу долю приходится 800 подписчиков. Любопытно, чем все это разыграется. Когда увидите графиню Марью Николаевну, передайте ей мой низкой-низкой поклон¹³⁾. Брата вашего Сергея Николаевича обнимите и скажите: «так велел Григорович», я очень полюбил его и всегда с великим удовольствием вспоминаю дни, проведенные у Шевалье¹⁴⁾. Не может ли это возобновиться? Адресуйте ко мне таким образом: Дмитр. Вас. Рязанской губ., город Зарайск, сельцо Дулебино. Я живу в Каширском уезде, но почта моя в Зарайске. Нельзя ли, дорогой мой, написать раньше декабря? В первых числах я покидаю моих пенатов и коллекцию встампов

*) Из материалов Кооперативного товарищества по изучению и распространению произведений Л. Толстого.

с Рафаэля, единственный предмет, с которым жаль расстаться. Прощайте, Лев Николаевич, пишу на авось, не знаю, где вы. В случае, если письмо ваше не дойдет ко мне, оставьте ваш адрес или записку на мое имя у Шевалье, куда я найду, как только приеду в Москву. Целую вас и обнимаю. Искренно любящий вас Григорович.

Ноября 8-го, с. Дулебино. 1857.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Л. Толстой выехал из Москвы в Париж в мальпосте через Варшаву 29 января 1857 г. 27 марта он выехал из Парижа в Швейцарию, откуда 12/24 июля приехал в Баден; 27 июля вернулся в Петербург, а 8 августа приехал в Ясную Поляну.
2. В. П. Боткин числа 14—15 апреля 1857 г. с А. В. Дружининым выехали из Москвы за границу, в Вену. С ними предполагал поехать и Григорович, но это ему не удалось осуществиться. 12/24 июня Боткин с Дружининым были у Толстого в Кларане, откуда Боткин поехал в Экс (Aix les Bains в Савойе).
3. «Очерки современных нравов. Юмористический рассказ», напечатанный в № 3; «В ожидании паром», рассказ, напечатанный в № 8, и «Скучные люди. Физиологический очерк», напечатанный в № 11 «Современника» за 1857 г.
4. Повесть «Коща и мышка» напечатана в № 12 «Современника» 1857 г.
5. «Юность» была напечатана в № 1, а «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» — в № 9 «Современника» за 1857 г.
6. За границу, как предполагал, Григорович не поехал, а в августе 1858 г. отправился, по поручению морского министерства, в Средиземное море на корабле «Ревизиан».
7. Мих. Петр. Погодин — известный историк.
8. Солдатенков Козьма Терентьевич — московский меценат и издатель.
9. Речь идет об издании «Повести и рассказы» Д. В. Григоровича. Изд. Солдатенкова и Щепкина. В шести томах. М. 1859.
10. По состоявшемуся в 1856 г. соглашению с издателями «Современника» И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Д. В. Григорович и Л. Н. Толстой оговаривались с 1857 г. печатать свои произведения исключительно в «Современнике», за что, помимо гонорара, участвовали в прибыли журнала. Соглашение это через год было расторгнуто.
11. Известный критик и переводчик Алдр Вус. Дружинин.
12. Письмо от Тургенева — это письмо от 16/28 сентября из Курганвеля к петербургским друзьям. В письме этом, извещая, что он на зиму в Петербург не приедет, а поедет с В. П. Боткиным в Италию, Тургенев, между прочим, писал Некрасову: «Если, как я надеюсь, я буду работать в Риме, то это для «Современника» будет полезнее моего присутствия — я отсюда буду высылать тебе все, что сделано, начиная с повести (заглавие ей «Ася»), которую ты напечатал с нового года, за это ручаюсь тебе». (Первое собрание писем И. С. Тургенева. СПб. 1884, стр. 52). Об этом письме Григорович 27 сентября 1857 г. писал из Москвы В. П. Боткину: «... полученное письмо от Тургенева, в котором пишешь он, что готово у него повествование на 11 книжку; все очень этому обрадовались, но Фет, у которого я вчера обедал, уверяет, что Тургенев не начинал даже никакой повести; теперь все в этом уверились и уже не рассчитывают». (Письмо не опубликовано.)
- Фет в августе встречался с Тургеневым в Париже, куда приехал к невесте своей М. П. Боткиной, с которой и обвенчался в Париже 16/28 августа.

13. Марья Николаевна Толстая — сестра Льва Николаевича.
 14. Шевалье — гостиница в Москве, помещавшаяся в Газетном переулке (ныне улица Художественного театра), в доме против Художественного театра. Здесь Л. Толстой останавливался в свои приезды в Москву в 1856 и 1857 гг. Гостиница эта описана им в «Казаках».

II

ПИСЬМО И. А. ГОНЧАРОВА *)

С И. А. Гончаровым Толстой познакомился, как и с Григоровичем, в свой приезд в Петербург из Севастополя в ноябре 1855 г. А. В. Никитенко в дневнике под 24 ноября записал о своем посещении Тургенева, у которого застал Майкова, Дружинина, Писемского, Гончарова и «приехавшего из Севастополя Толстого». В это и другие пребывания Толстого в Петербурге в 1850-х и 1860-х годах он встречался с Гончаровым, но дружбы между ними не возникло. Не было между ними и более или менее постоянной переписки. Неизвестно (да, вероятно, и не было) ни одного письма Толстого к автору «Обломова», из писем же Гончарова, кроме здесь печатаемого, известно еще только одно, недавно опубликованное Н. П. Апостоловым (в 3-ем сборнике Моск. Толст. Музея «Толстой и о Толстом». М. 1927), сопроводившим текст письма очерком истории знакомства Льва Николаевича с Гончаровым и характеристикой их взаимоотношений.

18 мая 1859 г.

Давно я собирался, граф Лев Николаевич, сказать вам душевное спасибо за ласковое слово об «Обломове»¹⁾, адресованное ко мне рикшетом через письмо Александра Васильевича²⁾. Но поверите ли, едва выискал свободные полчаса, и то ночью, написать эти строки, чтобы вместе и проститься перед отъездом за границу. Слову вашему о моем романе я тем более придаю цену, что знаю, как вы строги, иногда даже капризно-вызыскательны в деле литературного вкуса и суда. Ваше воззрение на искусство имеет в себе что-то новое, оригинальное, иногда даже пугающее своею смелостью; если не во всем можно согласиться с вами, то нельзя не признать самостоятельной силы. Словом, угодить на вас не легко, и тем мне приятнее было приобрести в вас доброжелателя новому моему труду. Еще бы приятнее мне было, если б вы, не рикшетом, а прямо сказали и о моих промахах, о том, что подействовало невыгодно. Особенно полезно бы было мне это теперь, когда я желал бы попробовать еще раз перо свое над одной давно задуманной штукой³⁾. И если время, расположение духа и разные обстоятельства позволят, я и попробую. Я желал бы указания не на случайные какие-нибудь промахи, опибки, которые уже случились и, следовательно, неисправимы, а указания

каких-нибудь постоянных дурных свойств, сторон, замашек, аллюр и т. п. моего авторства, чтобы (если буду писать) остерегся от них. Ибо, как ни опытен автор (а я признаю за собой это одно качество, т.-е. некоторую опытность), а все же ему одному не оглядеть и не осудить кругом и с полнотою самого себя. Но, может быть, такое домогательство с моей стороны превышает меру вашего доброго ко мне расположения, и потому я позволяю себе только выразить это желание, а домогаться не решаюсь.

Еду я 22 мая, т. е. через неделю с небольшим, и сам вижу, как с каждым днем розовая перспектива поездки все бледнеет⁴⁾. Война⁵⁾, затруднение с перевозом денег, неизвестность, что будет, — все это отравляет путешествие, но еду, потому что давно задумал ехать, а я, между прочим, бываю иногда упорен, чуть ли не как Тарас Скотинин: что задумаю, то, крихты и охая, и несучу, как тяжелый крест, хотя бывает иногда нужно только шевельнуть пальцем, чтобы сбросить его с себя. При том оставаться здесь еще летом — наказание, которого никому не желаю испытать. Если это письмо застанет у вас Алекс. Васил., поклонитесь ему. Если бы вы вздумали сказать мне слово в ответ, то я только до пятницы (22 мая) проживу здесь. Дня через три надеюсь, несмотря на все хлопоты, прочесть начало вашего романа⁶⁾, о котором мне уже говорили с нескольких сторон. Но жаль, что не узнаю долго продолжения.

Прощайте, Лев Николаевич, желаю доброго здоровья и скорого, по возможности, свидания с вами здесь. Искренно преданный

И. Гончаров.

Живу я на Моховой улице, в доме Устинова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Обломов» напечатан в первых четырех книжках «Отечественных Записок» за 1859 г.
2. Дружинин, гостивший в Ясной Поляне.
3. Гончаров, конечно, имеет в виду «Обрыв».
4. Гончаров собирается в Германию, куда и поехал.
5. В апреле 1859 г. началась война Франции и Пьемонта с Австрией.
6. «Семейное счастье» напечатанное в двух апрельских книжках «Русского Вестника» за 1859 г.

Корректурa рассказа «Хозяин и Работник» с поправками Толстого.

~~Микита! кривнул он.~~
 Микита долго не отклонялся. Василий Андреевич встал и пошевеливая скрипящий задок, стал будить его.
 — Микита, аль замерз? Микита пробурчал: что-то. — А я хочу верхом ехать.
 — Напрасно, Василий Андреевич, проговорил Микита, не измывая своего положения. — Ну, сь усидим, выговорил Микита.
 Слушай вась, дураковъ. Что-жъ, пропадать такъ, ни за что? — Василий Андреевич подошелъ къ лошади и сталъ отъязывать са.
 Отвязавъ лошадь, Микита перекинулъ поводья на шею и хотѣлъ вскочить на нее, но сорвался. Тогда онъ всталъ на сани и хотѣлъ съ санией сѣсть. Но сани покачнулись подъ его тяжестью и онъ опять оборвался. Наконецъ въ третій разъ онъ опять подвинулъ лошадь къ санямъ, сталъ на край ихъ и сдѣлавъ усалие вскочилъ такъ, что легъ брюхомъ поперекъ спины лошади. Полежавъ такъ, онъ посунулся впередъ разъ два и наконецъ перекинулъ ногу черезъ спину лошади. Исправившись, онъ потянулъ за одинъ поводъ. Волка лошадь потянула отъ савей

1-й разъ съ усалиемъ и какъ вѣрно отъязвалъ свои поводья
 И т. д.

Вашин Андрейвичъ
 и ушелъ, тогда...